

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1990

1

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Х. З. ЗИЯЕВ

К ИСТОРИИ ЗАВОЕВАНИЯ УЗБЕКСКИХ ХАНСТВ ЦАРИЗМОМ

Сегодня, когда демократизация и гласность все более набирают силу, раздаются голоса о том, что историки якобы игнорировали факт завоевания узбекских ханств царизмом. В действительности же положение дел обстоит иначе. Так, за исключением единичных работ (о чем речь пойдет ниже), во всех трех изданиях (1947, 1956, и 1968 гг.) «Истории Узбекской ССР» четко и ясно изложены военные походы царских войск в глубь Средней Азии¹. Однако во втором и третьем изданиях указанного труда, а также в одностомнике «История Узбекской ССР» (1974) завоевание края освещалось в главах под названием «Присоединение Средней Азии к России»². Под этим же названием были изложены военные походы царских войск в трудах Н. А. Халфина³ и Х. З. Зияева⁴.

По сути дела это название, не отражая содержания упомянутых трудов, висело в воздухе и вводило читателей в заблуждение.

Во все более широком употреблении слова «присоединение» в научных трудах и в периодической печати немаловажную роль сыграла статья И. Брагинского, С. Раджабова и С. Ромодина «К вопросу значения присоединения Средней Азии к России», опубликованная в 1953 г. в центральном журнале⁵. В этом отношении следует отметить и роль Всесоюзной объединенной научной сессии, посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России (Ташкент, 1959). Выступавшие на этой сессии докладчики уделили основное внимание тем политическим и социально-экономическим сдвигам, которые происходили после установления господства царизма в регионе. Эти сдвиги освещались в возвышенных тонах и фактически значение их во многом переоценивалось. Между тем коренное население в своем подавляющем большинстве практически оказалось в стороне от них. Попав под двойной гнет — царизма и местных эксплуататоров, — коренные народы края испытывали нищету, бесправие, насилие и безграмотность. Экономика региона развивалась в уродливых формах. Царизм всячески препятствовал развитию национального языка и

¹ История народов Узбекистана. Т. 2 (от образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции). Ташкент: АН УзССР, 1947; История Узбекской ССР. Т. 2. Кн. вторая. Ташкент: АН УзССР, 1956; История Узбекской ССР. Т. 2 (от присоединения узбекских ханств к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Ташкент: Фан, 1968; История Узбекской ССР: Одностомник (с древнейших времен до наших дней). Ташкент: Фан, 1974.

² Вместе с тем надо отметить, что § 1 главы I во втором томе «Истории Узбекской ССР» (1968 г.) носит название: «Причины экспансии царской России в Среднюю Азию», § 2 — «Завоевание Ташкента, Бухарского и Хивинского ханств», § 3 — «Восстание 1873—1876 гг. Завоевание Кокандского ханства», а глава II называется: «Превращение Узбекистана в колонию царской России».

³ Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России. М.: Наука, 1965.

⁴ Зияев Х. Присоединение Ташкента к России. Ташкент: Фан, 1967.

⁵ Вопросы истории. М. 1953. № 2.

культуры, а также отлучал представителей коренного населения от среднего и высшего эшелона власти. Вместе с тем царские власти и капиталисты беззастенчиво выкачивали из колониальной окраины огромные доходы; обширная территория региона была превращена в источник сырья и рынок сбыта метрополии. Не зря В. И. Ленин называл Туркестан «колонией чистейшего типа», что явилось прямым последствием завоевательной политики царизма. Именно указанные факторы составляют основное содержание истории региона того времени.

Однако мы вместо глубокого раскрытия этой ситуации увлеклись изучением в широком плане главным образом объективно прогрессивных последствий присоединения Средней Азии к России. Все это делалось по установке «сверху». По инициативе «верхов» была организована и вышеупомянутая Всесоюзная объединенная научная сессия. На ней отдельные докладчики в угоду «политикам» даже встали на путь искажения исторической действительности. В частности, С. Раджабов в своем докладе на сессии, упоминая вскользь о завоевании, тем не менее решительно заявил: «Народные массы Средней Азии, страдавшие от жестокого произвола феодалов и бесконечных поборов, не прекращающихся феодальных междоусобиц, были заинтересованы в присоединении к России, от которого ждали перемен в своем тяжелом положении. В ряде случаев они видели в приходе русских войск избавление от ненавистного гнета ханов и других феодалов. Только отдельные кучки местных правителей, ханов, беков и мусульманское реакционное духовенство, заинтересованные в сохранении старых феодальных порядков, в неприкосновенности своей деспотической власти и своих привилегий, организовали сопротивление и поднимали отдельные антирусские восстания. Однако их попытки вовлечь народные массы в широкое восстание против России не удавались, так как народ стремился к подданству России»⁶.

Далее докладчик, еще глубже утонув в своей надуманной концепции, говорил: «Большинство простого народа смотрело на русских, как на своих спасителей от постоянных грабежей и насилий, от непрерывных нападений на их хозяйства, от бедствий, от постоянного страха за свою жизнь в междоусобных войнах. Поэтому простой народ говорил: «Урус омад — дурус омад» («русский пришел — благо пришло»)»⁷.

Таким образом, по С. Раджабову, получается, что коренное население с нетерпением жаждало оказаться в подданстве царской России, что, разумеется, неверно. Вместе с тем он смешивал царизм и его захватническую политику с русским народом, который не имел ничего общего с завоевательными походами царизма. Не выдерживает критики и утверждение С. Раджабова о том, что народное восстание 1873—1876 гг., направленное своим острием против военных походов царских войск в Ферганской долине, носило реакционный характер. Он голословно объявлял реакционным даже Андижанское восстание 1898 г.⁸

Одним словом, С. Раджабов по существу встал на путь оправдания захватнической политики русского царизма.

Надо отдать должное А. В. Пясковскому, который на той же сессии дал правильную оценку захватнической политики царизма в регионе. «Одной из наиболее распространенных ошибок по истории Средней

⁶ Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России: Доклады. Ташкент: АН УзССР, 1959. С. 28—29. Видимо, автор имел в виду то, что отдельные оппозиционно настроенные группировки придерживались процаристской ориентации. Однако это несколько не отражает стремления всего коренного населения и феодальных кругов в целом. Известно, что при колониальном захвате той или иной страны определенные оппозиционные группы, как правило, переходят на сторону завоевателей в целях обеспечения своих собственных интересов.

⁷ Там же. С. 34—35.

⁸ См. там же.

Азии, — говорил он, — является известное приукрашивание царизма и его роли в этом крае. Некоторые историки полагают, что ежели присоединение Средней Азии к России сыграло в конечном итоге положительную, прогрессивную роль, то, следовательно, в этом деле якобы прогрессивное влияние России на развитие экономики и культуры среднеазиатских народов осуществлялось при каком-то участии царских властей. Отсюда — замалчивание либо смягчение угнетательской, национально-колониальной политики и вообще мрачных сторон господства царизма в Средней Азии. Отсюда — и отрицание хорошо известных фактов военного завоевания царизмом значительных областей Средней Азии, и настойчивые попытки представить дело таким образом, будто все среднеазиатские народы добровольно присоединились к России. Героическая и упорная борьба народов Средней Азии против царской агрессии, сопротивление царскому завоеванию представляются иногда как реакционный акт: будто противились этому завоеванию лишь эксплуататорские классы среднеазиатских народов, тогда как трудящиеся массы якобы стремились оказаться под гнетом царизма⁹. Эти слова настолько убедительны, что не нуждаются в комментариях.

Надо сказать, что попытки оправдать захватническую политику царизма и колониальную систему в крае порою имели место и в наши дни. Известно, что генерал-губернатор Туркестанского края К. П. Кауфман сыграл ведущую роль в завоевании узбекских ханств и колониальном порабощении коренного населения. Однако один из современных авторов — М. Попов, идеализируя личность К. П. Кауфмана, тем самым стремится замаскировать сущность царской агрессии в Средней Азии. Так, в своей статье «Полководец и дипломат»¹⁰ он подверг критике «Советскую историческую энциклопедию», заметив следующее: «Кауфману уделено (и то всего несколько строк) внимание. Но... в противоречие историческим фактам — в этой энциклопедии утверждается, что К. П. Кауфман якобы проводил жестокую колониальную политику». Далее автор пишет, что нынешняя перестройка позволяет «отвергнуть укоренившуюся догму, согласно которой присоединение Средней Азии к России оценивается предвзято, как реакционное колониалистическое событие». В заключение статьи он охарактеризовал личность Кауфмана как человека, «крайне далекого от жестокости и шовинизма».

Так автор всячески стремится изобразить К. П. Кауфмана не как военно-политического деятеля царской России, сыгравшего главную роль в пролитии крови тысяч людей и в проведении колониальной политики, а скорее как «носителя прогресса» в Средней Азии.

Следует отметить, что материалы, относящиеся к завоеванию Средней Азии, более или менее широко представлены в дореволюционной литературе и периодической печати.

Дореволюционные авторы создали специальные труды, посвященные истории завоевания Средней Азии Россией¹¹. Хотя в этих публикациях бросается в глаза методологическая беспомощность авторов, но в них систематизировано и обобщено большое количество ценных материалов. Важно также, что многие работы написаны участниками собы-

⁹ Там же. С. 56—57.

¹⁰ Фрунзевец. 1989. 15 июня.

¹¹ Абаза К. К. Завоевание Туркестана. СПб., 1902; Венюков М. И. Поступательное движение России в Средней Азии//Сборник государственных знаний. Т. 3. СПб., 1877; Гродеков Н. И. Хивинский поход 1873 г.: Изд. 2. СПб., 1888; Лыко М. Очерк военных действий 1868 года в Зеравшанской долине//Военный сборник. 1871. № 5—6; Львов И. Завоевание Туркестана//Русский вестник. 1868. № 7; Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Тт. 1—3. СПб., 1906; Шепелев А. Очерк военных и дипломатических сношений России со Средней Азией//Материалы для истории Хивинского похода 1873 г. Ч. I. Ташкент, 1879; и мн. др.

тий. Вместе с тем был опубликован сборник документов по истории завоевания Средней Азии царизмом¹².

В советский же период, помимо упомянутых выше специальных трудов Н. А. Халфина и Х. З. Зияева, была опубликована лишь статья А. Л. Попова «Из истории завоевания Средней Азии»¹³.

Существенный недостаток трудов, посвященных интересующему нас вопросу, заключается в том, что в них весьма бледно описаны упорные сражения коренного населения с царскими войсками, вследствие чего не получило надлежащего освещения сопротивление среднеазиатских народов царским колонизаторам.

Ввиду невозможности в рамках одной статьи более обстоятельно осветить весь процесс завоевания края царизмом, остановимся лишь на отдельных сражениях, что позволит создать более или менее ясное представление об отношении коренного населения к царской агрессии.

Попытка захватить узбекские ханства была предпринята царизмом еще во времена Петра I, который в 1717 г. организовал крупную военную экспедицию в Хивинское ханство. Однако здесь она была разгромлена. В дальнейшем, в силу сложившихся тогда в России внутренних и внешних обстоятельств, намерения царизма овладеть ханством длительное время не получали своего осуществления.

Более благоприятные условия для дальнейшего расширения влияния царизма в Средней Азии сложились в конце 40— начале 50-х годов XIX в. Так, в 1847 г. царские войска захватили устье р. Сырдарья, где было построено Раимское (Аральское) укрепление. В 1852 г. отряд царских войск в составе 469 человек при двух орудиях штурмовал крепость Ак-Мечеть, принадлежавшую Кокандскому ханству. Штурм окончился неудачей, отряд потерпел поражение, потеряв 72 человека¹⁴.

Упорное сопротивление защитников крепости заставило царские власти организовать повторное наступление значительными силами. В 1853 г. более чем двухтысячное войско при 12 орудиях и 5 мортирах под командованием генерала Перовского вновь осадило Ак-Мечеть. Характерно, что защитники крепости на требование царского генерала о добровольной сдаче ответили, что «они намерены до тех пор сопротивляться, пока в их пороховницах останется хоть одно зерно пороха, а на их улицах один кесак (глыба земли, бросаемая в неприятеля за недостатком камней) и пока не разломаны клинки их мечей и головки их копий»¹⁵.

Крепость обороняли всего 250 человек, которые проявили высокое мужество и героизм. Удивленный этим генерал Перовский в своем донесении писал: «Оборона со стороны кокандцев на бреши по стенам и в строениях внутри крепости была самая отчаянная, несмотря на то, что комендант, преимущественно поддерживавший дух гарнизона, Мухаммад Вали был убит при самом начале штурма; он и все храбрейшие сподвижники его, между ними и сотник Лефес, начальствовавший крепостью при прошлогоднем штурме полковником Бларамбергом, легки, как обещались, все до единого, защищаясь до последней крайности»¹⁶.

28 июля 1853 г. после 22-дневной осады крепость была взята царскими войсками штурмом. Из 250 ее защитников в живых осталось только 74 человека, да и то 35 из них были ранены. Из крепости было

¹² Серебрянников А. Г. Туркестанский край: Сборник материалов для истории его завоевания. 1844—1866 гг. Ташкент, 1914—1916.

¹³ Исторические записки. М. 1940. № 9.

¹⁴ Туркестанский сборник. Т. 93. С. 4.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Донесение генерала Перовского об осаде Ак-Мечети от 31 июля 1853 г. за № 625/Туркестанский сборник. Т. 58. С. 22.

вывезено 80 женщин и 25 детей обоего пола. Со стороны царских войск было убито 25 и ранено 46 человек¹⁷. На месте крепости было построено укрепление «Форт Перовский» (ныне г. Кзыл-Орда).

По данным местных источников, потеря крепости Ак-Мечеть, имевшей важное стратегическое значение, вызвала сильное беспокойство в Коканде. Не зря кокандский хан неоднократно организовывал нападения на нее. Так, вскоре после падения Ак-Мечети из Коканда был отправлен воинский отряд во главе с Шадманом Ходжи Дадхо, Сарымсаком Дадхо и Мухаммадом Керим шейхом, чтобы вновь овладеть крепостью. Однако упомянутые военачальники, расположившись в районе крепости, так и не решились завязать бой с царскими войсками и ни с чем вернулись в Коканд. За это их обвинили в трусости и подвергли суровому наказанию¹⁸.

В другой раз под Ак-Мечеть прибыл воинский отряд из Ташкента во главе с правителем его Сабдалходжой в количестве 8 тыс. человек. В результате боев ташкентцы, потеряв убитыми 192 человека, вынуждены были отступить. Они увезли раненых на 92 верблюдах¹⁹.

Несмотря на это, 14 декабря 1853 г. из Ташкента вновь был организован военный поход. Войско в количестве 13 тыс. человек возглавлял Якуббек. Через Туркестан отряд прибыл в Янги-Курган, а затем в Джулек (в 150 верстах от Ак-Мечети). Здесь произошло сражение, в котором кокандские войска и ополчение потерпели сокрушительное поражение, потеряв убитыми и ранеными до 2 тыс. человек. Царские же войска потеряли убитыми всего 55 человек.

В январе 1855 г. из Туркестана к Ак-Мечети двинулись новые военные силы и ополчение в составе 1 500 человек. Они дошли до Джулека, но, получив известие, что против них выступил отряд царских войск, повернули назад²⁰.

В августе 1860 г. сдалась кокандская крепость Токмак, а 4 сентября того же года после перестрелки пала крепость Пишпек. Здесь было найдено 5 медных орудий, 11 небольших чугунных пушек, 49 крепостных ружей, 367 кремневых и фитильных ружей и мушкетонов, 6 пистолетов, 366 сабель и шашек, 206 пик, 16 щитов с серебряными украшениями и один позолоченный. Кроме того, было изъято 114 пудов пороха, 7 кольчуг и много ядерных снарядов. Из числа защитников крепости было убито 20 и ранено 50 человек. Всего в крепости было взято в плен 697 человек, из них 84 торговца и их работника, 63 женщины и 38 малолетних детей.

Царские войска выпустили по крепости Пишпек 954 снаряда, несколько ракет и истратили 12 869 патронов²¹. Овладев Токмаком и Пишпеком, они вернулись в Верный. Воспользовавшись этим, кокандцы через некоторое время вновь разместились близ Пишпека. Призвав на помощь казахов и киргизов они выступили против царских войск. «...Огромное скопище казахов-юсуповцев и дикокаменных киргиз, кочующих в долине /р. Чу и в ущельях гор на пространстве между Аулиеата и Пишпеком», соединились с силами ханства; общая численность их доходила до 20 тыс. человек при 10 орудиях²². Во главе этой огромной силы стоял ташкентский правитель Каноатшо.

¹⁷ Там же. Здесь и далее сведения о потерях обеих сторон приводятся нами согласно данным использованных источников.

¹⁸ Мулла Мирза Алим Мухаммад Рахим углы. Абнаси — буссала-тин: Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 3753, л. 27.

¹⁹ Русский Туркестан: Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки. СПб., 1872. С. 16.

²⁰ Там же. С. 17.

²¹ Донесение полковника Циммермана от 28 августа 1860 г. // Туркестанский сборник. Т. 58. С. 33—34.

²² Донесение генерала Гасфорда от 10 ноября 1860 г. за № 1719 // Там же. С. 35.

8 октября 1860 г. передовой отряд их в количестве 5 тыс. человек появился на высотах Кастека, а также близ Узун-Агача и на Кара-Кастеке. Здесь произошли столкновения с царскими войсками. Генерал Гасфорд охарактеризовал эти сражения следующим образом: «Вообще в этом славном для нашего оружия деле неприятель сверх ожидания оказал весьма упорное сопротивление: атаки его были весьма настойчивы, и он неоднократно с остервенением бросался в рукопашную схватку». Вместе с тем он отмечал, что «огонь их не был так безрасчетлив, а в артиллерийской стрельбе их заметно было большое искусство»²³.

Обоюдные стрельба и бомбардировки продолжались несколько дней. Наконец, 24 октября Пишпек сдался. В плен было взято 22 офицера, 554 сарбаза, 88 купцов, 92 женщины и ребенка — всего 756 человек. Трофеи царских войск составили 200 пудов пороха, до 7 тыс. ядер, бомб, гранат и др. Насколько ожесточенным было это сражение, можно судить по тому, что царскими войсками были выпущены 2 051 снаряд и 63 ракеты, израсходовано 31 879 патронов. Потери царских войск составили 13 убитых и 29 раненых²⁴. Со стороны же кокандских войск было потеряно до 1 500 человек²⁵.

В 1861 г. упорное сопротивление оказали и защитники кокандской крепости Янги-Курган. Здесь под огнем царской артиллерии возник сильный пожар, продолжавшийся с 4 часов дня до ночи. Несмотря на это, крепость отвечала «беспрерывным огнем»²⁶. В ответ на это царские войска усилили обстрел крепости, где вновь возник большой пожар, распространявшийся с такой силой, что вся крепость «была закрыта густым дымом, охватившим ее со всех сторон»²⁷. В конечном счете крепость вынуждена была сдаться, после чего стало известно, что там находилось всего 260 человек, из них 40 женщин и детей²⁸.

В 1860 г. жаркие бои происходили в местности, расположенной по обеим сторонам р. Кара-Кастек, к северу от дороги из Верного (ныне Алма-Ата). Здесь царские войска столкнулись с «кокандскими скопищами» до 5 тыс. человек. В течение 9 часов шло ожесточенное сражение, в котором подчас дело доходило до рукопашных схваток. Из кокандских войск и ополченцев было убито и ранено 1 500 человек, а царские войска потеряли, по данным источника, одного убитого и 25 раненых²⁹.

В 1864 г. царское правительство приступило к подготовке захвата Сузака и Аулиеаты. Осуществляло военные приготовления и Кокандское ханство. Так, правитель Ташкента Нурмухаммед посетил Сузак, Чолак-Курган и Аулиеату, чтобы ознакомиться с их укреплениями. Сменивший впоследствии Нурмухаммеда Парваначи Койчи также побывал в Аулиеате, чтобы поднять против царизма племена Чуйской долины³⁰.

В мае 1864 г. царские войска (2 500 человек при 22 орудиях) сражались под Аулиеатой с кокандскими войсками и ополчением (1 500 человек). Последние под натиском царских войск сначала переправились на левый берег Таласа, а затем вынуждены были укрыться в крепости Аулиеаты. После кровопролитного сражения крепость пала. Со стороны ее защитников было убито 307 и ранено 390 человек.

²³ Там же. С. 44—45.

²⁴ Там же. С. 48—49.

²⁵ Там же. Т. IX. С. 17.

²⁶ Донесение генерала Безака от 4 ноября 1861 г. за № 4099//Русский Туркестан. С. 24.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 26.

²⁹ Донесение генерала Гасфорда от 10 ноября 1860 г.//Там же. С. 36—38.

³⁰ Донесение полковника Черняева от 6 июня 1864 г. за № 222//Там же. С. 51.

В плен взят 341 сарбаз, а также захвачены трофеи: 5 орудий, 397 фитильных ружей и винтовок, 513 сабель и шашек, 450 пик, 82 пуда пороха, 70 пудов свинца и ядер различного калибра³¹.

В июне 1864 г. завязались ожесточенные бои за г. Туркестан, где «кокандцы произвели три атаки, но всякий раз были отбиваемы с большою потерею»³². Бои шли и за чертой крепости, в частности защитники, «пробравшись садами, сделали нападение на лагерь, но встреченные картечью и ружейным огнем на весьма близкой дистанции отбиты с огромной потерей убитыми и ранеными»³³. Стычки продолжались и в дальнейшем. 12 июня 1864 г. г. Туркестан был взят царскими войсками. По данным местного источника, при этом было убито много защитников города³⁴.

Захват Аулиеата и Туркестана вызвал большую тревогу в Кокандском ханстве. Важнейшим пунктом обороны от наступавших царских войск становится Ташкент. Со всех городов ханства сюда стягивались срочно сформированные отряды ополченцев. В частности, туда прибыли ополченцы и войска из Коканда, Намангана, Андижана, Оша и др.³⁵

Кокандские войска и ополченцы направились из Ташкента к Чимкенту. 7 июня 1864 г. Черняев с отрядом в 1 298 человек также двинулся в сторону Чимкента и остановился в урочище Якчису. Здесь между царскими войсками и двумя отрядами кокандских войск и ополченцев (в одном от 2 до 3 тыс. человек во главе с Мингбаем, в другом — от 4 до 6 тыс. человек во главе с Алимкулом) произошло сражение, в котором защитники потеряли убитыми, по одним данным, — 2 тыс., по другим — 3 тыс. человек³⁶.

Из-за упорного сопротивления сарбазов и ополченцев Черняев вынужден был отступить в сторону Туркестана³⁷. Однако, получив подкрепление, он вновь повернул на Чимкент. Здесь в районе кладбища «Жинан», расположенного за крепостной стеной, произошел жаркий бой, в котором Черняев фактически потерпел поражение и опять отступил к Туркестану.

15 июля 1864 г. в округе Алтын-Тюбе, или Ак-Булаке, расположенном недалеко от местности Арысь, царским войскам пришлось столкнуться с силами Кокандского ханства. Один из крупных отрядов последнего (500 человек) атаковал лагерь царских войск, который весь оказался в огне. Затем началось весьма упорное сражение, в котором участвовало 12 тыс. кокандских войск и ополченцев. В общей сложности за два дня битвы число выбывших защитников достигло 2 тыс., а у царских войск их насчитывалось 405 человек³⁸. Со стороны царских войск было израсходовано 210 ядер и гранат, 19 боевых ракет и 25 319 ружейных патронов³⁹. В конечном счете царские войска одержали победу. 21 сентября 1864 г. штурмом была взята крепость Чимкент. Потери царских войск составили 6 убитых и 41 раненых, со стороны защитников города потери были несравненно больше⁴⁰.

Ожесточенные бои между царскими и кокандскими войсками произошли и в местности Икан (близ г. Туркестан). В результате

³¹ Там же.

³² Донесение полковника Веревкина от 19 июня 1864 г. за № 66//Там же. С. 51—55.

³³ Там же.

³⁴ Мухаммад Салих [Кари. Тарихи жадидаи Тошкент: Рқп. ИВ АН УзССР, инв. № 7791, л. 444.

³⁵ Там же, л. 448.

³⁶ Серебренников А. Г. Туркестанский край... С. 26.

³⁷ Мулла Мирза Алим Мухаммад Рахим углы. Указ. соч., л. 290.

³⁸ Донесение капитана Мейера от 17 июля 1864 г. за № 60//Там же. С. 61—64.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Мухаммад Салих. Указ. соч., л. 450.

трехдневного сражения, в котором порой дело доходило до рукопашных схваток, защитникам удалось одержать победу. Царские войска отступили в Туркестан, потеряв только убитыми 80 человек. Немало погибших было и среди защитников⁴¹.

Одним словом, царские войска в течение 1853—1864 гг. в результате упорных боев овладели рядом городов и укреплений, принадлежавших Кокандскому ханству и тем самым расчистили путь для дальнейшего проникновения в глубь Средней Азии, прежде всего на Ташкент⁴².

Первое наступление царских войск на Ташкент было осуществлено 1 октября 1864 г. По свидетельству очевидца событий, все население было мобилизовано на укрепление обороны города. Царские войска пошли на штурм крепости. В ходе ожесточенных боев, доходивших до рукопашных схваток, с обеих сторон были убиты и ранены десятки людей. В частности, отряд Черняева потерял убитыми 72 человека и вынужден был возвратиться в Чимкент. Победа защитников вызвала всеобщее ликование в городе; женщины со словами благодарности несли защитникам пищу⁴³.

29 апреля 1865 г. царские войска под командованием Черняева в составе 2 000 человек вновь подошли к крепости Ниязбек, расположенной вблизи Ташкента. В результате сражения с трехтысячным гарнизоном царские войска одержали победу. По совету предателя — ташкентского жителя Абдурахманбека Шадманбекова Черняев разрушил плотину на р. Чирчик и тем самым лишил город воды. Между тем из Коканда подошли новые силы во главе с Алимкулом, которые вместе с защитниками города завязали упорное сражение в местности Дархан. Встретив упорное сопротивление, царские войска отступили в Шур-тепе. Эта победа вызвала большой восторг горожан, повсюду гремели карнай и сурнай. Жители города, пишет Мухаммад Салих, от 7 до 70 лет, приходили к защитникам и угощали их горячими лепешками, кислым молоком и т. п. Со слезами на глазах они выражали им свою глубокую признательность за самоотверженную битву⁴⁴. Лишь после неоднократных сражений в ночь с 14 на 15 июня 1865 г. царские войска штурмом ворвались в город. После трехдневных уличных боев 17 июня 1865 г. Ташкент был захвачен царскими войсками. По данным русских источников, число защитников доходило до 30 тыс. человек с 62 орудиями⁴⁵. Многие из них были вооружены чем попало. Число убитых и раненых было весьма внушительным.

Ожесточенные бои завязались в Джизаке. Здесь было убито до 3 тыс. защитников⁴⁶.

В дальнейшем царизм завоевал Бухарское (1868), Хивинское (1873) и Кокандское (1876) ханства.

Покорение узбекских ханств вызвало ликование в правящих кругах царской России. Министр финансов Вышнеградский называл вновь завоеванные земли в Средней Азии «лучшей жемчужиной в русской короне»⁴⁷.

В заключение следует отметить, что против царской агрессии поднимались десятки тысяч людей и тысячи из них пали в этой борьбе. Однако неспособность ханской власти организовать должный отпор, низкий уровень военных знаний и техники, а также предательст-

⁴¹ Мулла Мирза Алим Мухаммад Рахим углы. Указ. соч., л. 291.

⁴² Данный вопрос более или менее подробно изложен в нашей работе «Присоединение Ташкента к России».

⁴³ Мухаммад Салих. Указ. соч., л. 461.

⁴⁴ Там же, л. 501.

⁴⁵ Туркестанский сборник. Т. 93. С. 18.

⁴⁶ Русский инвалид. 1868. № 140.

⁴⁷ Биография М. Г. Черняева//Очерки истории Ташкента. Ташкент, 1915. С. 2.

во царистской группировки из коренного населения привели к поражению. В этом немалую роль сыграло и то, что три узбекских ханства в то время, когда решалась судьба края, вместо того, чтобы объединить свои силы против колонизаторов, продолжали междоусобную борьбу. Особенно враждебный характер носили бухарско-кокандские отношения.

Итак, из всего сказанного вытекает, что при рассмотрении данной проблемы совершенно неправомерно употреблять слово «присоединение», а пора уже называть вещи своими именами.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1988

6

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

К истории национально-освободительного движения народов Узбекистана

Х. З. ЗИЯЕВ

К ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ В УЗБЕКИСТАНЕ 80—90-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

Прежде всего хотелось бы приветствовать проведение на страницах журнала «Общественные науки в Узбекистане» дискуссии по истории национально-освободительных движений в Узбекистане. Это вполне отвечает требованиям сегодняшнего дня, предъявляемым к исторической науке.

Дискуссия начата публикацией в журнале (1987, № 1) статьи Э. Ю. Юсупова и Б. В. Лунина, которые убедительно аргументировали подлинно народный характер Андижанского восстания 1898 г. Мы уже откликнулись на эту статью (1987, № 7) и считаем точку зрения Э. Ю. Юсупова и Б. В. Лунина относительно Андижанского восстания правильной. Однако в том же номере журнала опубликована и статья М. Г. Вахабова «Еще раз об Андижанском восстании 1898 г.», где это восстание оценивается как реакционное. Поскольку вопрос о характере восстания подробно рассмотрен в упомянутой нашей статье, я позволю себе внести ясность в отношении отдельных претензий М. Г. Вахабова.

Сначала следует отметить, что в целом статья М. Г. Вахабова написана в духе давно прошедших времен. Вместо того, чтобы на базе изучения и обобщения архивных и других источников аргументировать свои суждения, он ограничился главным образом изложением «личных обид» (отсюда и субъективизм автора) и разбором цитат из классиков марксизма-ленинизма с указанием на ряд неточностей. В частности, называя И. М. Муминова «удельным властелином», он пишет: «Я был далек от мысли требовать принятия моих тезисов во что бы то ни стало. Но сам факт пересмотра оценки события 17 мая без обсуждения свидетельствует о «мощи» и «власти» вице-президента» (с. 45).

На самом же деле именно по инициативе и при активном участии И. М. Муминова в 1966 г. было проведено специальное совещание по истории национально-освободительного движения, в том числе восстания 1898 г., и джадидизму, с участием не только ученых Узбекистана, но и некоторых других среднеазиатских республик. На основе рекомендаций совещания упомянутые вопросы были освещены во втором томе «Истории Узбекской ССР» (1968). Покойный И. М. Муминов придерживался коллегиальности в решении как научных, так и организационных вопросов. Поэтому попытка М. Г. Вахабова очернить его имя не имеет под собой почвы. Что касается его рецензии, мне хорошо помнится, что Институт истории АН УзССР получил ее, но поскольку суждения автора по ряду вопросов были тенденциозными и неаргументированными, то по решению редакционной коллегии она не была принята во внимание. Между прочим, М. Г. Вахабов отказался быть автором и членом редакционной коллегии по томам. Поэтому его заявление о том, что он был выведен из состава редколлегии помимо его желания, не соответствует действительности.

Наконец, нельзя не отметить ошибочность взгляда М. Г. Вахабова

на народные движения в Узбекистане 80—90-х годов XIX в., которые, по его мнению, носили реакционный характер¹. Анализ их мы и попытаемся дать в этой статье.

Предпосылки народных движений. В рассматриваемые годы колониальная, антинародная политика царизма приняла еще более ожесточенный характер. Осуществляя великодержавную шовинистическую политику в крае, он стремился стеснить национальный язык, задушить всякие проявления национальной культуры. Права и привилегии местной знати также были весьма ограничены.

Основные рычаги политической и экономической жизни края были сосредоточены в руках царской власти. Средняя Азия была превращена в сырьевую базу и рынок сбыта метрополии, что тормозило развитие производительных сил. После принятия «Положения об управлении Туркестанским краем» 1886 г. земельный фонд государства все более увеличивался, что привело к ухудшению и без того тяжелого положения трудящихся масс. В 1891 г. жители г. Ташкента и Сыр-Дарьинской области обратились к царю с письмом, в котором осуждали злоупотребления властью в земельном вопросе. «В конце 1890 г., — писали они, — от землемеров и уездных начальников было извещение, что каждый землевладелец, если он не имеет купчей крепости на свою землю, то должен платить за оную землю подать вместе с обществом, и что земля эта должна присоединяться к общественным землям, а платить отныне в казну отдельно воспрещается. Необработанные земли, оставленные под выгон и луга, заросшие камышом, хотя бы и орошались из арыка, должны быть казенными»². Государственными считались и земли «ляльми» (т. е. предгорные местности, орошаемые дождем), тогда как они с давних времен принадлежали кишлакам.

Администрация всячески старалась отобрать у дехкан любой клочок земли: «Наше начальство, — говорилось в письме, — решает так: один имеет одну только десятину земли и засекает ее продуктом, если в середине той десятины останется 100 кв. саж., заросшие растениями, то начальство заставляет его самого обнести эти 100 саж. земли дувалом и объявляет ему, что обнесенная им дувалом земля считается государственной собственностью»³. Кроме того, государственными считались земли, заросшие камышом, из которого местные жители готовили материал для покрытия крыш домов, плетенки и берданы. Этим промыслом занималось немало людей и получали от него определенные доходы. Поэтому в письме выражался протест против включения этих земель в фонд государства.

Протест, выраженный от имени всего населения области, вызвал гнев колониальных властей, которые оценили его как выступление против правительства. «Мы хотели, — говорилось в письме, — назначить доверенным русского адвоката, но начальство, устранив наших волостных управителей от должностей, запретило нашим ходатаям по этому делу выбрать себе доверенных или подавать жалобы с угрозою сослать в Сибирь»⁴.

Характерно, что интересы населения защищались русским адвокатом Никитиным, который, по всей вероятности, был инициатором составления указанного письма. Не зря он по указанию генерал-губернатора был выдворен из края. Однако его деятельность и письмо императору произвели огромное впечатление не только в области, но и во всем крае. Обеспокоенный этим генерал-губернатор А. Б. Вревский

¹ Узбекистон ССР тарихи (Бир томлик). Тошкент, 1958. С. 328.

² ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 31, д. 33, л. 21 (здесь и далее архивные материалы почерпнуты из сборника документов о национально-освободительном движении, подготовленного сотрудниками отдела новой истории Института истории АН УзССР).

³ Там же.

⁴ Там же.

писал военному министру: «Брожение (среди населения.— Х. З.) это может получить еще более серьезный характер при участии злонамеренных лиц даже из русских, примером чему служит то, что когда в 1890 году постановление Совета генерал-губернатора положило строгий предел расхищениям земель государственных и общественных скупщиками таких земель (здесь явно искажена суть дела.— Х. З.), то при посредстве адвоката Никитина, высланного вслед за сим из края, были изготовлены и напечатаны во множестве экземпляров широко распространенные в невежественной народной массе, в форме доверенности Никитину, настоящие призывы к сопротивлению законным действиям и распоряжениям местной администрации»⁵.

Как видно, адвокат Никитин, проявив мужество, выступил инициатором распространения среди коренного населения воззвания, осуждавшего аграрную политику правительства. Военный губернатор Сыр-Дарьинской области, также осуждая деятельность Никитина, писал: «Возмутительные воззвания этого рода, циркулируя во множестве экземпляров в городе и уезде, не могли не оставить за собой крайне вредного следа, посеяв серьезную смуту в темной массе населения»⁶.

Действительно, воззвание сильно подействовало на умы широких масс. Так, за упомянутым выше письмом последовало обращение к генерал-губернатору от имени 12 тыс. жителей Ташкента с осуждением существующих порядков⁷. Инициатор этого обращения, некий Мухаммаджан Ходжа Ахмаджанов был сослан в Оренбург⁸.

Царизм, вопреки протестам широких масс населения, настойчиво расширял государственный земельный фонд, часть которого предоставлялась русским поселенцам. А. Б. Вревский в упомянутом письме отмечал: «Недовольство среди туземного населения замечается и вследствие отчуждения от жителей земельных участков для устройства русских поселений, так как переселенцы из внутренних губерний России продолжают прибывать, то недовольство это, по всей вероятности, не прекратится и на будущее время»⁹.

Усиление колониального порабощения трудящихся масс края вырождалось и в возрастании налогового бремени. Тот же А. Б. Вревский, касаясь этого вопроса, вынужден был признать, что «введением нового поземельного налога, увеличившего податные тягости населения более чем на 100% против прежнего размера налога, вызвало среди жителей брожение и недовольство»¹⁰.

При сборе податей представители администрации допускали различного рода махинации и насилия. Обычно сбор податей превышал установленные размеры. Сбор налогов и податей отдавался на откуп волостным биям за большую мзду. Откупщики, разумеется, брали с населения намного больше того, что сами вносили в казну¹¹. Тяжелым бременем для дехкан было и содержание представителей администрации, которые за счет населения покрывали суммы, затраченные в период избрания их на должность. Так, по словам А. П. Демидова, предвыборные расходы обходились иногда в десятки тысяч рублей, в то время как жалование управителя равнялось 600 руб. в год. Как только у власти становился такой управитель, то всеми правдами и неправдами он с лихвой взыскивал с населения затраченные деньги¹².

⁵ Там же, л. 25—25 об.

⁶ Там же, л. 13—19.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же, л. 25.

¹⁰ Там же.

¹¹ Касымбеков К. Ф. Из истории народных движений в Фергане в конце XIX — начале XX вв. Ташкент, 1978. С. 17.

¹² Демидов А. П. Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности в Туркестане. М., 1926. С. 111.

Вследствие всего сказанного число безземельных дехкан непрерывно росло. По данным 1893 г., из-за малоземелья ежегодно только из Маргиланского уезда 30 тыс. человек уходили в Сырдарьинскую область и Семиречье в поисках работы¹³. Только в Маргиланском уезде из 13 913 безземельных дехкан 8638 человек (62%) были чайрикерами, а 3619 (26,1%) — мардикерами. Общее число безземельных доходило до 60% общей массы дехканского населения¹⁴.

Обратимся к отдельным примерам. В 1886 г. целые кишлаки Андижанского уезда, в частности Сузак, разорились «от обременительности податей», а жители его покинули родную землю. По этому поводу жители кишлака писали начальнику уезда: «Нам пришлось платить тананных очень большую сумму, чрез то мы окончательно разорились, что дошло до необходимости запродатия скота, всякого рода обыденного имущества; решились наши однообщественники бросить свои участки земли и уйти в другие волости и даже уезды для заработков на прокормление себя и малолеток, жен и детей продать. А нас, оставшихся, не более 200 кибиток, из нас не все имеют земли, заставляют пятидесятники и волостной, кроме причитающегося большого налога, нас, платить за ушедших, участками которых мы не пользуемся, хотя на некоторых есть засево и всходы. Такие стеснения вынуждают и нас следовать примеру однообщественников, то есть бросить все и идти на заработки»¹⁵. Эти строки ярко иллюстрируют картину весьма плачевного состояния трудового дехканского хозяйства.

Незавидным было и положение ремесленников-кустарей городов и кишлаков обширного края. Растущий ввоз промышленных товаров наносил значительный урон интересам кустарей. Отдельные отрасли ремесла: ткачество, гончарное дело, ковроделие, изготовление медных и бронзовых изделий — не выдерживали конкуренции с товарами фабрично-заводского производства. Вместе с тем ремесленники-кустари были обложены высокими налогами и податями.

Одним словом, трудящиеся массы находились под двойным гнетом, как колониальных властей, капиталистов, так и местных баев, которые выкачивали огромные доходы из хлопководства, шелководства, скотоводства и других видов сельского хозяйства, а также из промышленных предприятий и торгово-ростовщических операций. Основные же производители материальных благ — трудовые массы влачили жалкое существование. Все это вело к обострению классовых противоречий, растущему недовольству угнетенных масс.

Следует также заметить, что недопущение представителей местной знати к высшим государственным должностям, ограничение их прав и привилегий привели к образованию оппозиционной группы и в среде местной знати. Известно, что представители местного населения допускались в рамках «военно-народного» управления лишь на низшие административные должности (волостные управители, пятидесятники, казии и т. п.) и были покорными слугами колониальных властей. При малейшем неповиновении они подвергались суровому наказанию, отстранению от занимаемой должности, а иногда и высылке в Сибирь.

Например, в 1879 г. в Коканде 25 человек, имевших звание казия, муфтия и аяма, подписали обращение к властям, в котором обосновывали с точки зрения шариата неправомерность закрытия старых кладбищ. В ответ на это администрация сместила несколько казиев с занимаемых должностей, что вызвало недовольство в Коканде. Пятидесятники и другие представители местной знати, выступая против мер

¹³ Федоров А. П. Хлопководство в Средней Азии. СПб., 1898. С. 140.

¹⁴ История Узбекской ССР. Т. II. Ташкент, 1968. С. 72.

¹⁵ ЦГА УзССР, ф. И-19, оп. 1, д. 23768, л. 5.

администрации, писали: «При ханах казии за обнаружение (знание) шарриата получали награды и никогда не заслуживали за это кару, то им, жителям, неизвестно, за что именно сменены казии с должностей, так как они ни в коем случае не поступали против шарриата»¹⁶.

Военный губернатор Ферганской области А. А. Абрамов, опасаясь народного волнения, поручил начальнику Кокандского уезда, чтобы он «объяснил сменным казиям, что если будут беспорядки, я их сошлю в Сибирь»¹⁷. В свою очередь, тот же уездный начальник просил разрешения у военного губернатора объявить духовным сановникам, что если они будут участвовать в каких-либо беспорядках, то медресе будут уничтожены, а вакфы взяты в казну¹⁸.

По этому делу было арестовано более десяти активных составителей «обращения». В их числе, кроме казиев и пятидесятников, были и лица, выступавшие в защиту казиев, муфтиев и алямов. Это вызвало общее недовольство в Коканде, где начала собираться возмущенная толпа. Напуганный возможностью восстания А. А. Абрамов распорядился освободить казиев и 8 пятидесятников из-под ареста. Из пятидесятников подверглись наказанию лишь 4 человека: двое находились под арестом (один сроком на 15 дней, второй — на месяц), а двое были высланы из уезда¹⁹.

Вообще для колониальных властей было достаточно любого повода, чтобы строго наказать местную знать в целях создания атмосферы общего страха у населения. Это, конечно, вызывало ненависть по отношению к царской администрации, которая проявлялась в период народных движений. Бывали даже случаи, когда отдельные волостные управители укрывали участников того или иного восстания. Например, в 1885 г. волостные управители Наукентской волости — Садык Кулматов и Базаркурганской — Мулла Калан Атанаев — были отстранены от занимаемой должности за то, что «явно укрывали» участников восстания во главе с Дервишханом²⁰. Сочувствие местной низовой администрации к данному восстанию отмечал и военный губернатор Ферганской области Н. А. Иванов. В рапорте генерал-губернатору края Н. О. Розенбаху он писал: «Безуспешность же мер, принимаемых нами к его (Дервишхана.— Х. З.) поимке я объясняю отсутствием содействия нам в этом деле как со стороны населения, так и туземной администрации... Туземная же администрация, преимущественно выборная, бездействует, но чтобы скрыть свое бездействие, забрасывает нас массой слухов, составляющих весьма часто плод ее досуговой фантазии»²¹.

Особенно враждебно относилась к царизму часть местной знати, пользовавшаяся привилегиями при ханском управлении и «оставшаяся не у дел с введением русского управления»²². Она, по словам генерал-губернатора края А. Б. Вревского, в обычное время о себе не заявляла, «но достаточно какого-либо предлога вроде нового денежного сбора, или мероприятий по случаю эпидемий»²³, чтобы она начала подстрекать население к восстанию.

Итак, оппозиционно настроенная часть местной знати, выступая в роли якобы защитника интересов трудящихся масс, в действительности преследовала свои классовые интересы.

¹⁶ Там же, д. 332, л. 43.

¹⁷ Там же, л. 22.

¹⁸ Там же, л. 27.

¹⁹ Там же, л. 34, 53—54 об.

²⁰ Там же, ф. И-1, оп. 31, д. 3, л. 9.

²¹ Там же, л. 27—30.

²² Там же, д. 29, л. 31.

²³ Там же.

Народные движения. В рассматриваемое время по всей территории края прокатилась волна протестов и жалоб трудящихся масс против непосильных податей и повинностей. В частности, жители Чартакской волости Наманганского уезда в письменном виде жаловались на злоупотребления властью со стороны волостного управителя Азизходжи, который собирал подати гораздо выше установленной нормы. Вместе с тем из податной суммы 2216 руб. он сдал в кассу лишь 1000 руб., а остальные присвоил²⁴. Хотя под давлением налогоплательщиков Азизходжа и его помощники были отстранены от занимаемой должности и арестованы, но «по просьбе почетных лиц» уезда он был освобожден и отдан на поруки²⁵.

Резкие протесты вызвало увеличение поборов со стороны администрации в кишлаке Ламыш-Курган Чустского уезда. Здесь 15 февраля 1882 г. люди наотрез отказались от обременительных податей²⁶. 23 августа 1882 г. жители кишлаков Беш-Сари и Найман Каракалпакской волости Кокандского уезда в своем заявлении властям выразили недовольство противозаконными поборами со стороны волостного управителя²⁷. 21 сентября того же года жители кишлака Каракалпак подали заявление военному губернатору Ферганской области, в котором осуждали присвоение бывшим волостным управителем танапной повинности (452 руб.), между тем как новый аксакал требовал вторичного платежа указанной суммы²⁸. Протесты против незаконных податей имели место 19 сентября в кишлаке Якусек Бостонской волости²⁹.

В кишлаке Камыш-Курган Чустского уезда межевщики сознательно увеличили размеры земельных угодий, принадлежавших дехканам, и тем самым повысили сумму податей, причем это было сделано «под влиянием богатых людей» уезда. Вследствие этого 4 февраля 1883 г. большая толпа жителей этого кишлака выступила против фальсификации истинного положения дел³⁰. В этом кишлаке положение населения из-за непосильных налогов ухудшилось до такой степени, что начальник уезда Н. В. Арванитак был вынужден признать: «Насколько же бедные угнетены богатыми в этом кишлаке и требуют вмешательства и защиты администрации, видно из того, что с них взяли 2401 руб. на подание просьбы. Оставшиеся, будучи сами обижены раскладкой, отказались что-либо предпринять в защиту себя в отсутствие уехавших»³¹.

По протесту налогоплательщиков наукатский волостной управитель А. Умарбеков был отстранен от занимаемой должности из-за «незаконных сборов с населения»³².

Следует отметить, что при привлечении к ответственности лиц из низовой администрации за их противозаконные действия колониальные власти преследовали две цели — смягчить недовольство налогоплательщиков и не допустить нанесения ущерба казне.

Однако противозаконные действия низовой администрации не прекращались. Достаточно отметить, что в 1880—1882 гг. сумма налоговых сборов, растраченных администрацией Уйчинской, Киргиз-Курганской и Чартакской волостей, составила 6175 руб.³³ Нередко эти

²⁴ Там же, ф. И-19, оп. 1, д. 725, л. 2.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, д. 911, л. 15.

²⁷ Там же, д. 737, л. 2.

²⁸ Там же, д. 764, л. 43.

²⁹ Там же, д. 721, л. 7.

³⁰ Там же, д. 911, л. 1—3, 16.

³¹ Там же, л. 3.

³² Там же, д. 2423, л. 2.

³³ ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 1, д. 4883, л. 12, 13.

растраты ложились тяжким бременем на плечи трудящихся масс. Например, растроченные караджинским сельским старшиной Файзи-абадской волости 906 руб. были «пополнены обществом»³⁴.

Все это усиливало недовольство населения, и оно начинало выражаться в более активной форме — восстаниях. Так, согласно архивным источникам, в различных местах Ферганской области формировались повстанческие отряды, которые в официальных документах именовались «шайками». По утверждению ферганского областного прокурора, в июне 1885 г. по всей области распространились слухи «о готовящемся в ближайшем будущем восстании коренных жителей против царской власти»³⁵. Администрацией были обнаружены воззвания, призывавшие население к восстанию.

В ночь на 16 августа 1885 г. была повреждена телеграфная линия между Новым Маргиланом (Ферганой), Андижаном и Кокандом. Вслед за этим повстанческий отряд во главе с Дервишханом прибыл в кишлак Ассаке, где совершил нападение на дом волостного управителя³⁵. Оттуда повстанцы направились через урочище Тутлук по берегу Шарихансая в Джалалкудукскую волость. В это время в Наукатской волости сформировался второй повстанческий отряд во главе с Нурмухамедом Муллою Хасановым (Балапансат), который разгромил ночью 17 августа дом карасуйского волостного управителя Исмаил-ходжи Муллы Юсупова. Затем они двинулись в кишлак Қатар-Тал, близ которого был пойман и убит алтынкульский волостной управитель Абдумумин Афтабичиев.

На берегу Шарихансая оба повстанческих отряда соединились. Из них группа в 30 человек во главе с Мумином отправилась в Ошский уезд, чтобы поднять население его на восстание. Основные же силы повстанцев двинулись в кишлак Карасу Андижанского уезда, затем — в кишлак Дардан, откуда часть повстанцев прибыла в Айим-Кишлак и разгромила дом волостного управителя Нуритджинходжи Улусходжинова.

С самого начала повстанцев преследовал воинский отряд во главе с начальником Андижанского уезда А. И. Брянновым, который настиг восставших в кишлаке Янги-Баг. После перестрелки повстанцы разбежались, а Дервишхан с частью повстанцев ушел в горы Наманганского уезда, где численность его отряда достигла 800 человек³⁷. Однако, по словам Бряннова, повстанцы, «простояв несколько дней в горных ущельях, вследствие недостатка в продовольствии и фураже, должны были разойтись»³⁸. Дервишхан скрылся в Самаркандской области, затем — в местности близ Янги-Гиссара. Впоследствии он добрался до Афганистана, где и умер³⁹.

По данным источников, численность повстанцев колебалась от 100 до 1000 человек⁴⁰, что свидетельствует о подлинно народном характере движения. Характерно и признание ферганского областного прокурора: «Со стороны же местной администрации высказывались предположения, что на появление шаек можно смотреть, как на протест населения против неудачного податного устройства»⁴¹. Нельзя не отметить и точки зрения туркестанского генерал-губернатора Н. О. Розенбаха: «Слухи о шайках обычны каждую осень, но нынешнее волне-

³⁴ Там же, л. 14.

³⁵ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 31, д. 9, л. 12.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 1, д. 1014, л. 7; ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 31, д. 3, л. 18.

⁴¹ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 31, д. 9, л. 12.

ние имеет активный и как бы организованный и политический характер»⁴². Розенбах указывал, что подавляющее большинство арестованных за активное участие в восстании (60 человек) состояло из «бездомников, людей, имеющих достаток, мало; есть люди, служившие в ханское время, но мелкие»⁴³.

Царское правительство жестоко расправилось с участниками восстания. В частности, по решению суда 19 человек были сосланы на каторжные работы (6 человек — без срока, 13 — на 18 лет)⁴⁴.

Однако суровые репрессии не могли остановить дальнейшего нарастания народных выступлений. 21 марта 1890 г. произошли «крупные беспорядки» в Балыкчинской волости с участием жителей кишлаков Мингбулак, Чинабад, Куштепа, Сарай и др. Повстанцы направились в г. Андижан, где перед зданием уездного управления потребовали смещения скомпрометировавшего себя в глазах населения волостного управителя и досрочного проведения выборов. Толпа с шумом и криками окружила начальника уезда А. И. Брюнова, который, однако, наотрез отказался выполнить требования народа и вызвал воинский отряд. Активные участники этого выступления были арестованы⁴⁵.

В 1891 г. повстанческие отряды действовали в кишлаках Наукат, Бостон, Кара-тепа. В 1896 г. вспыхнули народные волнения в Кенгал-Карагырской волости Андижанского уезда и в Ахсы-Шахандской волости Наманганского уезда во время выборов должностных лиц низовой администрации⁴⁶.

В выявлении причин и характера упомянутых волнений определенное значение имеет точка зрения отдельных представителей колониальной власти. В частности, и. д. военного губернатора Ферганской области в рапорте генерал-губернатору края А. Б. Вревскому, пытаясь определить характер этих выступлений, писал, что «название же имен разных ханов и имение значков, по всей вероятности, задумано лишь с целью усилить свое значение для более безнаказанного и успешного производства грабежа»⁴⁷. Разумеется, представитель колониальных властей иначе и не мог охарактеризовать восстания, но здесь заслуживает внимания то, что отдельные представители местной знати, примкнувшие к повстанцам, использовали знамя борьбы за власть ханов в качестве ширмы.

Автор упомянутого рапорта связывал формирование повстанческих отрядов и с деятельностью лиц, сосланных ранее в Сибирь, а затем вернувшихся в Ферганскую область. «Ко времени возникновения шайки в области,— писал он,— появилось немало туземцев, бежавших по нескольку раз из Сибири. Некоторые из них пойманы, но многие еще и теперь на свободе»⁴⁸. Властями даже были обнаружены прокламации, призывавшие население к восстанию: «В г. Коканде при обыске,— говорится в том же рапорте,— в доме Мадкасыма Уста Раимкулова, у которого задержан бежавший из Сибири житель Наманганского уезда Мирзаджан Шермухамедов, оказалась прокламация, приглашающая население к восстанию против русского правительства. Прокламация найдена в кошельке, принадлежащем Мирзаджану»⁴⁹.

Конечно, еще преждевременно делать окончательные выводы об организации восстаний людьми, бежавшими из Сибири, но и эти отрывочные данные в какой-то мере дают основание говорить об известном

⁴² ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 1, д. 1014, л. 2.

⁴³ Там же, л. 26.

⁴⁴ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 31, д. 9, л. 19.

⁴⁵ Там же, ф. И-504, оп. 2, д. 521, л. 4.

⁴⁶ Там же, ф. И-19, оп. 1, д. 241, л. 7.

⁴⁷ Там же, ф. И-1, оп. 32, д. 171, л. 10.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

влиянии указанных лиц на население. Не зря, между прочим, в 1892 г. жители кишлака Тузак Кокандского уезда спасали задержанного позже Рахманкула Кипчак Тогайназарова, бежавшего из Сибири. Жители Тузака, говорится в судебном материале, «из коих некоторые имели с собою ножи, на небольшом расстоянии от названного селения, с криками «режьте волостного и полицейских» толпою напали на волостного управителя и других сопровождающих Тогайназарова лиц, стащили некоторых из них с лошадей и, повалив полицейского Мадмусаева на землю, грозили зарезать его, а полицейскому Назарбекову причинили легкие побои, связанного же Раимкул Кипчака Тогайназарова, перерезав веревку, которой он был привязан, сняли с лошади и увели с собою»⁵⁰.

Власти привлекли к судебной ответственности более 10 активных участников указанного события, из них двое приговорены к ссылке на каторжные работы сроком на 20 лет каждый, остальные — к 12 и 15 годам каторжных работ. Несколько же лиц получили тюремное заключение, по шесть месяцев каждый⁵¹.

Все это были подлинно народные движения, но к ним примыкала и оппозиционная часть местной знати. Каждый социальный слой преследовал при этом свои интересы. Если основная движущая сила восстания — трудящиеся массы выступали против двойного гнета и эксплуатации, то попутчики движений — представители местной знати — боролись за восстановление своих прав и привилегий. Восстания 80—начала 90-х годов XIX в. были как бы прологом крупных народных движений 1892 и 1898 г.

---

⁵⁰ Там же, ф. И-723, оп. 1, д. 5, л. 69.

⁵¹ Там же.

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ЎЗБЕКИСТАН

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

1991

7

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. по 12 номеров в год

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
1991

К 75-летию восстания 1916 года в Туркестане

Х. З. ЗИЯЕВ

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА В ТУРКЕСТАНЕ

Народное восстание 1916 г., охватившее обширную территорию Средней Азии и Казахстана, по своему масштабу и значению не имеет себе равных в истории классовой борьбы в регионе. Это восстание способствовало расшатыванию устоев царизма и явилось одним из звеньев на пути к победе Февральской буржуазно-демократической революции в крае.

Широчайший размах восстания 1916 г. был обусловлен политической и социально-экономической ситуацией, сложившейся в Туркестане в начале XX в., оно было порождено империалистической, колониальной политикой царизма. Народы края изнывали под двойным прессом эксплуатации и гнета. Представители коренного населения были лишены элементарных политических прав и не допускались к высшим и средним звеньям власти, целиком сосредоточенным в руках царских сановников. Колониальная администрация тормозила развитие национального языка и национальной культуры. Туркестан представлял собой отсталую аграрную окраину, источник сырья и рынок сбыта для промышленности метрополии.

Особое место при этом занимало становление и развитие хлопковой монокультуры, ставшей определяющим фактором всех сфер жизни региона, что вело, в частности, к сокращению производства продовольственных и кормовых культур, падению скотоводства и т. п. Увеличивалось число безземельных и малоземельных дехканских хозяйств. Именно на плечи трудового народа ложились невыносимые налоги, подати, сборы и натуральные повинности.

Трудящиеся массы были задавлены тяжелым бременем долгов по ростовщическим кредитам, предоставленным банками и частными лицами. «Обессиленный непомерными процентами, многократно обманутый и обсчитанный дихкан, — писал один из авторов, — еле влачил свое существование. В момент ликвидации долгов он подвергался самым тяжелым условиям воздействия и даже насилия, когда не в силах был формально уплатить иногда уже несколько раз до этого фактически уплаченный долг. Взыскание долгов распространялось не только на имущество дихкан. Иногда применялись приемы, которые в Европе сделались уже достоянием истории. Некоторые фирмы позволяли себе самовольно брать скот, выводили его с помощью своих агентов на базар, продавали и полученную сумму приходовали по кассе. Некоторые дельцы творили неслыханные насилия. Иногда забирали должника, бросали его в собственный сарай, как в тюрьму, и дожидались выкупа или уплаты долгов каким-нибудь родственником. Телесные наказания, даже расправы с должниками — факты неоднократные и известные в каждом хлопковом сезоне»¹.

¹ Демидов А. П. Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности в Туркестане. Изд. 2-ое. М., 1926. С. 124.

Обычно стоимость кредита во много раз превосходила стоимость производства хлопка, о чем свидетельствуют, например, такие данные. В Ферганской области производство 1 пуда хлопка обходилось в 1 р. 85 к., стоимость же кредита составляла 2 р. 77 к., в Сырдарьинской области — соответственно 1 р. 62 к. и 2 р. 43 к., в Ташкентском уезде — 1 р. 82 к. и 2 р. 76 к., в Закаспийской области — 2 р. и 3 р. и т. д.²

Тяжкое бремя гнета и эксплуатации испытывали на себе и ремесленники, рабочие, городская беднота.

Первая мировая война еще более ухудшила и без того тяжелое положение городского и сельского населения края. Прежде всего были увеличены размеры налогов. Так, если в 1912 г. они составляли 23 млн. руб., то в 1916 г. достигли 33,3 млн. руб., что для того времени считалось огромной суммой. Царское правительство все больше выкачивало из края для нужд войны продовольствие, сырье, скот, различного рода снаряжение, деньги и др. Так, в 1914—1916 гг. в Россию было вывезено 41 млн. пудов хлопка, более 3 млн. пудов хлопкового масла, 200 тыс. пудов мыла, 300 тыс. пудов мяса, 474 тыс. пудов рыбы, 70 тыс. лошадей и т. д. В крае росла дороговизна, нависала угроза голода и нищеты. Корреспондент из Ферганской области сообщил, что в 1916 г. «спрос на все товары большой, цены непомерно повышаются не по дням, а по часам и вообще на понижение цен нельзя надеяться. Промышленные круги, так явно зарекомендовавшие себя нечестной спекуляцией, не считаются положительно ни с чем и лишь только думают о собственных интересах, как бы им побольше влить золота в свои карманы»³.

По данным очевидцев, особенно возросли цены на хлопчатобумажные ткани. Фабриканты свою продукцию, произведенную из хлопкового волокна дехкан, продавали им же с повышением до 300%, а некоторые сорта — до 400% и более. «Такое чудовищное повышение цен является настоящим бедствием для страны», — писал корреспондент того времени. Вместе с тем он подчеркнул, что «на мануфактурном рынке цены растут, словно по щучьему велению. Вообще царит полный произвол фабрикантов»⁴.

В связи с общим нарастанием вызванной войной хозяйственной разрухи резко сократился ввоз продовольствия и промышленных изделий из Центральной России. И уже в начале 1916 г. по всему краю прокатилась волна продовольственных беспорядков («бабы бунты»).

Все это обостряло общее положение в крае. И в этой взрывоопасной ситуации 25 июня 1916 г. был обнародован царский указ о «рекревизации» (мобилизации) коренного населения на тыловые работы. В нем говорилось: «Для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующих армий, а равно для всяких иных необходимых для государственной обороны работ, привлечь в течение настоящей войны мужское инородческое население империи в возрасте от 19 до 43 лет включительно»⁵.

Указ застал врасплох все слои населения, вплоть до представителей администрации. Для осуществления его не велось никакой подготовительной работы с учетом местных условий. Вместе с тем царский указ с самого начала вызвал резко отрицательную реакцию у местного населения, которое категорически отвергало его выполнение. По всем районам края прокатились народные волнения. Лишь 23 августа 1916 г. последовал приказ туркестанского генерал-губернатора А. Н. Куронаткина, в котором были определены общее число рабочих

² Там же. С. 121.

³ Туркестанское сельское хозяйство. 1916. № 7. С. 181.

⁴ Там же. С. 679.

⁵ См.: Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. М., 1960. С. 25.

и порядок мобилизации. Так, пять областей края должны были выставить 220 тыс. рабочих, которые распределялись соответственно по областям. В связи с приближением уборки хлопка мобилизация была отсрочена до 15 сентября 1916 г.

Генерал Куропаткин всячески старался убедить коренное население в том, что оно живет «счастливой жизнью» под покровительством царского правительства и в знак благодарности должно безоговорочно выполнять указ, как «священный долг» перед ним. «Населению Туркестана, — говорилось в приказе, — при завоевании его оставлялись в его владении и пользовании земли, сохранялось свободное отправленние веры, уважался местный уклад жизни, но до сих пор на туземное население не было распространено отбывание воинской повинности за дарованные ему милости. За период 40—50 лет владения Россией бывшими среднеазиатскими ханствами туземное население под защитой русских штыков жило мирной жизнью, развивалось и богатело. Экономический рост завоеванных областей в значительной части был обязан жертвам коренного русского населения, на средства которого содержались войска, проводились железные дороги и пр. В тяжелую годину, переживаемую русским народом, туземному населению Туркестана надлежало вспомнить эти заботы об них русского правительства, вспомнить жертвы, принесенные для их процветания коренным русским населением, и без колебаний и сомнений послушно отозваться на призыв державного вождя великой России и выставить в полном порядке назначенное для тыловых работ число рабочих»⁶.

Однако как ни пытался царский генерал обрисовать «райскую жизнь» закабаленного коренного населения, его призывы не дали ожидаемых результатов.

Резкие возражения широких масс вызвало освобождение от набора представителей местной низовой администрации, имамов, мулл и мударрисов, а также людей, «пользующихся правами дворян и потомственных почетных граждан, а также лично пользующихся правами почетных граждан»⁷.

Хотя отсрочка мобилизации рабочих объяснялась уборкой хлопка, на самом деле не только это было основной причиной, ибо уже с момента объявления царского указа трудящиеся массы стали открыто выступать против набора рабочих. Этому способствовали и всяческие злоупотребления волостных управителей и других должностных лиц при проведении в жизнь царского указа. Даже генерал А. Н. Куропаткин вынужден был признать: «Из личного ознакомления во время моих поездок с положением дел по наряду на работы туземцев в областях Самаркандской, Ферганской и Сыр-Дарьинской и многочисленных жалоб, принесенных мне как словесно, так и письменно, выяснилось большое число злоупотреблений лиц туземной администрации.

Совершенно забывая, что наряд туземцев производится по высочайшему повелению государя Императора, волостные управители, сельские старшины и действующие по их указаниям пятидесятники не только не способствовали во многих местах выполнению высочайшей воли, но позволили себе вымогать с населения взятки и прибегать в некоторых случаях к насильственным мерам воздействия вплоть до арестов отдельных туземцев, не пожелавших поднести им требуемую сумму, собираемую без всякого контроля и ведения чинов администрации. Произведенный по моему указанию целый ряд дознаний с несомненностью устанавливает целый ряд самых возмутительных лихонств

⁶ ЦГВИА СССР, ф. Азиатская часть Главного штаба. 1916 г., оп. 263/916, д. 42, ч. III, л. 16—17 об. См. также: Восстание 1916 года в Туркменин: Документы и материалы. Ашхабад, 1938. С. 78—82.

⁷ Там же.

и вымогательств, совершаемых как с целью освобождения реквизируемых туземцев от наряда, так и по поводу этого наряда»⁸.

Действительно, представители местной администрации не брезговали ничем, чтобы набить свои карманы, что, разумеется, не обходилось без покровительства определенной части царских чиновников, получавших за это свою долю. Правда, официально последние выступали против незаконных действий местной администрации, но эти выступления во многих случаях носили не более чем показательный характер. Волостные аксакалы и другие должностные лица, воспользовавшись отсутствием надлежащего надзора сверху, вели себя, как им было угодно, всячески защищая интересы крупных землевладельцев, баев, мулл. Тот же генерал Куропаткин в донесении императору Николаю II отмечал: «За долги у туземцев продавались во многих случаях все без исключения земельное имущество и инвентарь. Волостные старшины и судьи (казии) стали во многих случаях на сторону богатей и решали дела в их пользу с явным пристрастием. Обедневшая масса населения в трех основных областях (Ферганской, Сыр-Дарьинской и Самаркандской.— Х. З.) в значительной степени стала недовольной своими туземными властями, судьями и при возникших беспорядках обрушилась на волостных старшин и писарей»⁹.

Трудящиеся массы были крайне возмущены и тем, что власти официально разрешили богачам нанимать вместо себя за деньги других людей, разумеется из бедноты.

Первое крупное выступление произошло 4 июля 1916 г. в г. Ходженте¹⁰. Здесь большая толпа народа напала на полицейских, решительно протестуя против реквизиции рабочих. В результате было убито 3 и ранено 4 повстанца¹¹. Это выступление стало сигналом для массового восстания населения Самаркандской области. Так, 5 июля в сел. Ургут собралось до 2000 человек, которые с криками ворвались в канцелярию и уничтожили списки рабочих. Вместе с тем были избиты отдельные пятидесятники, мирзы и старшины¹². Волостной управитель Мулла Азим под давлением повстанцев был отстранен от должности. В тот же день произошло столкновение толпы народа с войсками на ст. Куропаткино Среднеазиатской железной дороги. Согласно рапорту военного губернатора Самаркандской области, 5 июля народные волнения вспыхнули в Сиабской, Махалинской, Ходжа-Ахрарской и Ангорской волостях области. Участники волнений кричали: «Не желаем!», «Не согласны!», «Мы сами рабочих не имеем», «Сами остаемся голодными». Было избито три сельских старшины¹³.

7 июля в сел. Дахбит большая толпа народа совершила нападение на волостного управителя Х. Касымджанова и писаря Кабулова с требованием выдать список рабочих. Первый, получив ранение, сумел скрыться, а второй был убит¹⁴. Восстание возглавили Мулла Усман Абдурасулев, пятидесятники Гадай Абдукадыров, Халмумин Халмуратов, Азизкул Мурадов и Мухтар Хафизов. Все они были арестованы властями¹⁵.

Народные волнения ширились, охватывая одну местность за другой. Военный губернатор Самаркандской области С. Лыкошин писал вы-

⁸ Туркестанские ведомости. 1916. № 206. 22 сент.

⁹ ЦГВИА СССР, ф. Азиатская часть Главного штаба, оп. 263/916, д. 42, ч. 3, л. 2.

¹⁰ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 31, д. 1135, л. 9.

¹¹ ЦГВИА СССР, ф. Азиатская часть Главного штаба, 1916 г., оп. 4, д. 40, л. 65. По другим данным, было убито 2 и ранен 1 человек (ЦГВИА СССР, ф. Главное управление Генерального штаба, оп. 2, д. 2390, л. 10).

¹² ЦГА УзССР, ф. И-18, оп. 2, д. 660, л. 37.

¹³ Там же, ф. И-1, оп. 31, д. 1185, л. 18.

¹⁴ Там же, оп. 1, л. 1135, л. 70.

¹⁵ Там же.

шестоящему начальству: «Я ожидаю, что во многих местах население решительно откажется сделать наряд рабочих добровольцев и придется произвести реквизицию с применением воинской силы»¹⁶. Далее он сообщал, что «в некоторых местах произошли драки на базарах, предпочтительно били волостных управителей и сельских старшин с их писцами, обвиняя этих лиц в отсутствии твердости, нужной для охранения народных интересов, и в излишней преданности русской власти, требующей наряда рабочих»¹⁷.

11 июля произошло крупное волнение, охватившее более 4 тыс. человек, в сел. Джума-Базар. Участники его наоборот отказались выставить рабочих на тыловые работы. В случае невыполнения их требований они намеревались двинуться в Самарканд¹⁸.

Широкий размах и острый характер приняло восстание в Джизакском уезде, где оно охватило 15 из 20 волостей¹⁹. Там представители местной знати принимали в восстании более активное участие, чем в других областях.

Волнения начались 13 июля 1916 г. в г. Джизаке, их возглавил Назир Ходжа. Толпа, вооруженная чем попало, убила старшину Мирзаяра Худоярова, начальника уезда Рукина и окружавших их лиц. Это выступление вызвало широкий отклик в уезде и охватило большинство волостей. Во главе восстания стояли такие лица, как Абдурахман Джевачи, Рахман Джечиев, Туракул Туробеков, Хатам Норматов, Джайнак Абдурахсулов, Ишмак Палван Бекмуратов и многие другие²⁰. Повстанцы, вооруженные кетменями, палками, топорами, отчасти огнестрельным оружием, убивали представителей царской и местной администрации, вывернули рельсы по линии железной дороги, сожгли мосты и жилые дома, разгромили канцелярии, порвали телеграфные провода, уничтожили железнодорожные казармы и сооружения и т. п.

Хотя основными движущими силами восстания в Джизакском уезде были бедные слои населения, но к ним примкнуло немало представителей местной знати, рассчитывавших на восстановление своих былых привилегий. Вот, что говорится по этому поводу в обвинительном акте прокурора в отношении повстанцев, привлеченных к уголовной ответственности: «Высланный в Джизак Бабек Абдужаббаров (брат Абдурахмана Джевачи) скоро вернулся к брату вместе с депутатей от жителей города Джизака, во главе которой стояли: Ишан Назарходжа, Имам Мулла Магомет Рахим, джизакский богач, арендатор весового сбора Шариф Байвачча Худайбердиев и другие. На происшедших в доме Абдурахмана Джевачи совещаниях было окончательно решено объявить священную войну и, собрав полчища туземцев, идти в поход на Джизак с целью отвоевать его у России и образовать самостоятельное бекство»²¹. Это свидетельствовало об антицаристской направленности выступления местной знати. Именно борьба против общего врага — царизма временно объединила силы различных слоев населения. Между прочим, антицаристскую направленность народных волнений в Самаркандской области отмечал и Н. С. Лыкошин, который писал: «Брожение росло, драки и убийства вспыхивали то в одном месте, то в другом, уговоры и увещания местных властей не действовали, разъяснениям не доверяли, пока, наконец, все это не вылилось в форму открытого восстания против русского правительства» (подчеркнуто нами.— Х. З.)²².

¹⁶ Там же, оп. 31, д. 1135, л. 21.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, л. 70.

¹⁹ Там же, ф. И-18, оп. 2, д. 147, л. 69.

²⁰ Там же, ф. И-12, оп. 1, д. 49, л. 40—42.

²¹ Там же, оп. 31, д. 1100, л. 246.

²² Там же, л. 20.

Царские власти жестоко расправлялись не только с повстанцами, но и с безвинными мирными жителями, в числе которых были главным образом старики, женщины и дети. Эта расправа была настолько страшной, что отдельные военные начальники стремились использовать известия о ней для запугивания подвластного им населения. Например, начальник Закаспийской области Н. К. Колмаков дал телеграмму начальнику Красноводского уезда о том, что «в Самаркандской области расстреляно несколько тысяч туземцев, не повинующихся повелению и производящих бунт. Земли их будут отобраны в казну, жилища сровнены с землею. Проводите эти сведения через встреченных людей среди населения»²³.

После подавления народных волнений в Джизакском уезде царские карательные отряды разгромили и сожгли ряд селений, а также конфисковали около 2000 дес. земли. Был основательно разрушен и г. Джизак. Тысячи людей были убиты или изгнаны из родных мест, которые превратились в безлюдную пустыню. В общей сложности было приговорено к смертной казни 85 человек, в том числе Абдурахман Дживачи и Ишан Назирходжа. Немало повстанцев были осуждены на длительные сроки заключения и каторгу. Впоследствии, чтобы смягчить реакцию населения, определенной части повстанцев смертная казнь была заменена каторгой.

Крупным очагом народного волнения стала и Ферганская область. 9 июля 1916 г. начальник Андижанского уезда И. А. Бржезицкий, выступая в центре города, в мечети Джами, призывал собравшихся исполнить царский указ. В ответ на это студенты медресе крикнули: «Не пойдем на работы!» Толпа народа, поддержав их, подняла шум. Дальнейшие события происходили на Гуль-Тюбинской площади, где вопреки уговорам и угрозам И. А. Бржезицкого, большая толпа народа «наступала на полицию и казаков, начала бросать камнями, кетменями, палками. Один казак получил ушиб камнем, то же — несколько полицейских, после чего я приказал казакам встать в ружье. Камни посыпались градом, толпа бросилась на нас (с) криком: «Бей их, им стрелять нечем», в виду чего я приказал казакам и полиции открыть огонь. Десять туземцев были тяжело ранены, после чего толпа разбежалась, раненые отправлены (в) больницу»²⁴. Во главе восстания в Андижане стояли Абдусаттар Хаким Аксакалов, Абдужаббар Қары Рузибаев и Мамадали Абдукаримов.

10 июля в г. Маргилане, на Урдинской площади, собралась 20—25-тысячная толпа. Она совершила нападение на полицейских и представителей местной администрации. Вооруженные чем попало повстанцы кидали камни в полицейских. Были убиты аксакалы Махмудбек Шахруханов, Мауланбек Бадалбаев, старший полицейский Суязов и другие, всего 8 человек²⁵.

11 июля крупное народное волнение, поднявшее несколько тысяч человек, произошло в Намангане. По словам начальника Наманганского уезда П. Р. Крашкова, события развивались следующим образом: «Послышались угрожающие крики «Ур!», толпа двинулась на выставленный взвод нижних чинов с ружьями на перевес и начала хватать за ружья, шашки и два поставленных впереди взвода пулемета.

Убедившись, что уговорам и увещаниями сделать ничего невозможно, что толпа вплотную подошла к войскам и пулеметам, поставленным на мосту через Чукур-Кучинский сай, я предупредил, что сейчас будет открыт огонь и засим передал команду над войсками командиру караульной роты. Залп из ружей и пулеметов оставил на месте 12 убитыми и 38 человек ранеными, причем лично я и другие, бывшие:

²³ Восстание 1916 года в Туркмении: Документы и материалы. С. 39.

²⁴ ЦГА УзССР, ф. И-19, оп. 2, д. 149, л. 1.

²⁵ Там же, д. 152, л. 16.

при этом, слышали по прекращении огня от раненых, что «это ничего, свое мы все равно сделаем»²⁶.

Народные выступления происходили также в Кокандском уезде и во многих волостях Ферганской области. За время народных волнений с 8 по 18 июля в Ферганской области было убито: представителей местной администрации — 56, ранено — 109, из них 29 человек умерли от ран. Из русских должностных лиц был убит один и ранено двое²⁷.

Народные восстания приняли широкий размах и в Сырдарьинской области. Народ с негодованием осуждал царский указ в чайханах, мечетях, медресе, на базарах и в других общественных местах. По отдельным данным, в событиях здесь принимали участие и рабочие. Например, полицмейстер старой части г. Ташкента Н. Е. Колесников в своих показаниях указывал, что «мутаваллий медресе Бекляр-беги сказал мне, что в мечети Шейхантаур какой-то туземец, работающий где-то в типографии, говорил речь перед населением и в речи этой проводил мысль, что рабочих давать не следует. Толпа ему аплодировала»²⁸.

Известно, что в это время на хлопкоочистительных и маслособойных заводах, в типографиях работало немало рабочих-узбеков, которые понимали, что и сами они подлежат мобилизации, а потому приняли деятельное участие в общенародном движении.

Население с гневом смотрело на тех представителей местной администрации, которые способствовали мобилизации рабочих. На общественных сборах их открыто обвиняли в предательстве интересов коренного населения и угрожали им расправой. Тот же Н. Е. Колесников указывает, что казий Сибзарской части Сайид Махмудхан Сайид Мухитдинходжа получил по почте от неизвестного лица письмо, в котором «были угрозы ему, насколько я понял, за то, что он как должностное лицо совместно с другими выразил согласие правительству дать рабочих. Вообще туземная администрация и лица, имевшие связь какую-либо с русским населением, в туземной массе, по агентурным сведениям моим, считаются главными виновниками того, что правительство берет рабочих-туземцев»²⁹.

В этом есть значительная доля правды. Во-первых, местная администрация никогда не защищала интересы своего народа перед царским правительством. Она раболепно выполняла все указания и поручения царской администрации. Подобным же образом она действовала и во время подготовительных работ к мобилизации рабочих.

Мощное восстание произошло 11 июля 1916 г. в старой части г. Ташкента. Характерно, что первыми там собрались женщины, а за ними последовали мужчины. По словам очевидца событий, «на дороге около полицейского управления собралась толпа туземных женщин, которые кричали «дод» и ходили взад и вперед. Вскоре к женщинам стали присоединяться и мужчины-сарты. Поллицмейстером Молчановым было отдано распоряжение закрыть и охранять городовой вход с улицы в сад полицейского управления. Несмотря на это толпа выломала отделяющую сад решетку, избива городовых и хлынула к зданию полицейского управления. С крыльца последнего чины полиции пытались уговорить толпу разойтись, но никто не слушался, оставаясь на месте, женщины кричали: «не дадим рабочих», а мужчины — «не пойдем, здесь умрем»³⁰.

Толпа набросилась на караульщика Мир Ахмеда Ша Мир Акбар и убила его. Очевидно, он осуждал действия повстанцев. Группа людей

²⁶ Там же, д. 153, л. 7.

²⁷ Там же, ф. И-1, оп. 31, д. 1100, л. 38.

²⁸ Там же, л. 220.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, л. 248.

во главе с Мир Касым Иса Мухамедовым порвала телефонные провода, идущие к управлению. Один из повстанцев бросился с обнаженкой шашкой на полицмейстера Н. Е. Колесникова, но был убит выстрелом последнего. Повстанцы разбили камнями двери и окна управления. На это полицейские ответили огнем. Была убита активная участница восстания Ризванбibi Ахмаджанбаева, а Заурбibi Мусамухамедова получила ранения. Кроме того, были убиты Шаюнус Абдукадиров, Халитбай Хасанбаев, Абдусамад Ходжа Абдуаскар Ходжаев, Абдукадыр Магомед Садыков и Сайрамбай Нигматджанов. Умерли от ран Файзибай Ходжаев, Касым Ахмедов и Ибрахим Исмаилов. Всего было убито 11 и ранено 15 повстанцев.

В городской больнице скончался от побоев некий Уста Магомед Азиходжаев. «Брат убитого Уста Ходжаева,— говорится в обвинительном акте,— Абид Уста Азиз Ходжаев объяснил на предварительном следствии, что застал умершего брата в больнице вечером 11-го июля еще живым и последний перед смертью рассказал свидетелю, что он был под окнами полицейского управления и уговаривал толпу женщин не кричать, не громить, так как это женщинам неприлично, и что, кроме них, есть много мужчин-сартов; в это время его схватила толпа сартов и сартянок, утащила на улицу, а в толпе кто-то разрезал ему бок и живот»³¹. Женщины пытались даже побить палками полицмейстера Колесникова.

Восставшие были разогнаны лишь войсками, прибывшими на помощь полицейским. Однако часть повстанцев двинулась в сторону Беш-Агачских ворот, чтобы убить семью полицейского Мир Камия.

Небезынтересны сведения начальника г. Ташкента С. О. Кочана, обрисовавшего конечный этап восстания: «Когда я прибыл к полицейскому управлению, то застал огромную толпу народа как женщины, так и мужчины, частью на улице у здания полицейского управления, часть во дворе последнего. Толпа была огромная, в несколько тысяч человек, среди ее были убитые, были и раненые. При моем появлении толпа беспрекословно дала мне пройти вперед с взятыми по пути фельдшерами, которые командированы были на место происшествия и уже возвращались было обратно, заявив, что они пытались проникнуть к полицейскому управлению, но боялись пройти туда вследствие постоянно пролетающих над головами пуль со стороны полицейского управления. По дороге, в ограде полицейского управления, ко мне со всех сторон кидались отдельные лица с плачем, зазыванием, пытающиеся что-то объяснить, на кого-то жалующиеся; тут были и мужчины и женщины—все они были до крайности унижены, уничтожены. Подойдя к полицейскому управлению, я застал всех чинов полиции туземной части в здании полицейского управления с револьверами в руках... Толпа что-то гудела, что-то требовала, что-то просила, но что—разобрать трудно. Впереди толпы еще можно было с нею говорить, она как будто смолкла, но в отдалении в воздухе стоял общий гул, гам и рез, а между тем являлась необходимость удалить раненых для оказания медицинской помощи, убитых с места их нахождения. В это время прибыла к полицейскому управлению школа прапорщиков и городовые русской части г. Ташкента... Затем прибыли казаки конвоя и дружины, первые осадили публику с улицы, прилегающей к полицейскому управлению»³².

Согласно обвинительному акту прокурора, в восстании главную роль сыграли: Таджибай Юнусходжаев, Миркасым Исамухамедов, Шагияс Шайляс Карнев, Турсунбай и Абдухалил Абдухакимовы, Азиз Мусабаев, Шасайд Шасалихов, Кабил Мирсалихов, Максим Карчибаев, Гулям Юсупджанов, Алимджан Мухаммад Алиев и др.³³ В числе

³¹ Там же.

³² Там же, ф. И-17, оп. 1, д. 436, л. 14.

³³ Там же.

повстанцев был и гимназист, одетый в установленную форму, Махмуд Мирсаатов, «державший себя вызывающе и подстрекавший бить полицию»³⁴, а другой участник, Шоиногам Кариев первый начал кричать: «Бейте городских» и первый бросился с толпой на полицейских, смяв городских и обвалив решетку напором толпы, хлынувшей в сад»³⁵.

Под влиянием восстания в г. Ташкенте вспыхивали народные волнения и в его округе. Так, 20 июля 1916 г. в Ташкенте было получено сообщение о том, что в Булатовской волости (за Келесом) собирается толпа до 50 тыс. человек, а около Гышт-Купрюка, под Ташкентом, замечено скопление от 7000 до 8000 человек³⁶.

21 июля поднялось восстание на ст. Кауфманской. В результате перестрелки были убиты 3 повстанца и один русский из гражданских лиц. Арестовано 20 человек³⁷.

Восстания происходили в Зангната, Чиназе, Ура-Тюбе, Пскенте, Ханабаде, Ак-Кургане и других местах Ташкентского уезда. Повстанцы нападали на волостных управителей и других представителей местной администрации, громили канцелярии и дома должностных лиц. Например, в сел. Той-Тюбе «толпа ворвалась в дом волостного управителя, и за то, что он поддерживал распоряжение правительства, основанное на высочайшем указе о призыве рабочих в армию», восставшие убили его, «разграбили его имущество, сожгли портрет государя императора и всю канцелярию, сожгли также все имущество стражника Кабаева»³⁸.

В этих строках отчетливо просматривается ненависть повстанцев как к местной знати, так и к царским властям. Во главе этого выступления стояли казий Алмат Худайберган, Мулла Супы Ташбердыбаев, Искандар Максуд, Мансур Дулбай, Азизходжа Азляд Ходжаев, Азимходжа Мухаммад Ходжаев и др. Царская администрация сурово наказала участников восстания. В частности, было убито и ранено около 20 повстанцев, а дома зачинщиков волнений преданы уничтожению³⁹.

Народные восстания происходили также в Аму-Дарьинском отделе, Семиреченской и Закаспийской областях Туркестанского генерал-губернаторства. Следует особо отметить, что в восстании 1916 г. впервые в истории освободительной борьбы против колониальной системы открыто выступили женщины. Помимо Ташкента, они активно участвовали в волнениях в сел. Нижний Алмаз, Найман и других местах Ферганской долины. По свидетельству очевидца, в сел. Гази Язлык «в общем из возгласов женщин можно было понять, что они не желают отдавать своих сыновей и мужей на работы в тылу армии, хотя бы и за 100-рублевую плату»⁴⁰.

В числе убитых повстанцев в сел. Чиндаул Наманганского уезда было две женщины и одна из женщин была ранена⁴¹.

Царские власти жестоко расправились с участниками восстания. Для подавления его в крае было применено 14 с половиной батальонов, 33 сотни, 42 орудия и 69 пулеметов⁴². Генерал А. Н. Куропаткин в рапорте от 22 февраля 1917 г., адресованном на имя императора Николая II, писал: «Тяжкие преступления, совершенные в прошлом году туземцами Туркестана, забывшими свой верноподданнический долг..., требовали и тяжкого наказания»⁴³.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ ЦГВИА СССР, ф. Штаба Туркестанского военного округа, оп. 2, 1916 г., д. 128, л. 257.

³⁷ Там же, оп. 4, д. 233, л. 627.

³⁸ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 31, д. 1100, л. 64.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, ф. И-19, оп. 2, д. 146, л. 47.

⁴¹ ЦГВИА СССР, ф. Главный штаб. Азиатская часть. 1916 г., оп. 263/916, д. 4, л. 122 об.

⁴² Там же, д. 42, ч. 3, л. 2.

⁴³ Там же.

Царские отряды расстреливали повстанцев, топтали поля, громили и жгли кишлаки и аулы, уничтожали имущество и конфисковывали земли участников восстания. Было убито и ранено немало повстанцев. Эти факты стали даже предметом обсуждения в Государственной Думе, по поручению которой член Думы А. Ф. Керенский, приехав в Туркестан, собрал соответствующий материал о действиях карательных отрядов. В своей речи, произнесенной на частном совещании членов Думы, он сообщил, что царские войска «при подавлении народных волнений действовали с крайней жестокостью, истребляя не только мужское население, но также женщин и детей, те же экспедиции приводили вноородческие населенные пункты в состояние столь полного истребления и разрушения, какое не наблюдалось даже на театре войны (так, например, г. Джизак совершенно уничтожен)»⁴⁴.

Свыше 3000 активных участников восстания подверглись судебному разбирательству, из них 347 человек были приговорены к смертной казни через повешение. Однако приговор был утвержден для 51 осужденного, чтобы не накалять и без того тяжелую обстановку. Сотни людей были приговорены к тюремному заключению сроком на 10—12 лет и к каторжным работам.

Так было подавлено восстание 1916 г. Затем, с 18 сентября по 18 декабря 1916 г., царская администрация срочно отправила из Туркестана 92 423 рабочих в Сибирь, в Европейскую часть России и на Кавказ. Они прибывали на тыловые работы в расположении действующих армий, а также на заводы и фабрики, железные дороги, в различные учреждения и склады, обслуживавшие нужды армии⁴⁵.

Как видим, из намеченного первоначально числа рабочих было мобилизовано на тыловые работы менее половины, что явилось результатом массовых народных волнений, сорвавших полное осуществление царского указа о «реквизиции» рабочих.

В ряде мест к восстанию примкнула оппозиционная часть местной знати, которая стремилась использовать удобную для нее ситуацию, чтобы восстановить свою власть и привилегии. Однако это ни в коей мере не сглаживает классовых противоречий в лагере восставших, в котором различные слои населения под флагом борьбы против царизма преследовали свои собственные интересы. Поскольку основными движущими силами восстания были дехкане и городская беднота, то восстание 1916 г. было направлено своим острием против царизма и войны, а также против феодальных порядков в регионе.

Следует отметить, что восстание носило стихийный и неорганизованный характер, не имело своей программы и руководителей, способных обеспечить победу трудящихся масс. Тем не менее оно сыграло важную роль в расшатывании устоев царского колониального режима в крае и оставило глубокий след в истории освободительной борьбы народов Средней Азии и Казахстана.

⁴⁴ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 1, д. 1100, л. 15.

⁴⁵ Там же, оп. 31, д. 1110, л. 44.